
Интеграция и безопасность в странах Азиатского региона

Integration and Security in Asian Region

Научная статья / Research Article

УДК 316.4

DOI: 10.14258/SSI(2022)1-01

Проблема свободы и социальной безопасности в условиях повышенных угроз для здоровья населения

Татьяна Владимировна Шипунова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
shtatspb@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-9108-8647>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности и мере свободы в условиях необходимости обеспечения безопасности в период пандемии. В политике противодействия пандемии возобладала рациональность как соответствие выбираемых целей и средств. Но поскольку рациональность в своей основе иррациональна, то в разных странах можно наблюдать ситуацию, когда безопасность населения обеспечивается за счет свободы, которая с подачи основных субъектов безопасности все больше превращается в познанную необходимость, уничтожающую сущность свободы. Отсюда возникает стремление некоторой части населения к «негативной» свободе. Это стремление поддерживает и тем, что государство не придает большого значения «позитивной» свободе, включающей в себя формирование (индивидуальной) культуры безопасности, ответственность перед обществом за свои действия. Для этого государство должно сместить акцент с поддержания монопольного права на обеспечение безопасности на диалог с населением как равноправным субъектом безопасности.

Ключевые слова: свобода, социальная безопасность, культура безопасности, ответственность, пандемия

Для цитирования: Шипунова Т.В. Проблема свободы и социальной безопасности в условиях повышенных угроз для здоровья населения // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 1. С. 11–23. doi: 10.14258/ssi(2022)1-01.

The Problem of Freedom and Social Security in Conditions of Increased Threats to Population Health

Tatiana V. Shipunova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, shtatspb@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-9108-8647>

Abstract. The article deals with the issue of the possibility and measure of freedom in the context of the need to ensure security during a pandemic. In the policy of countering the pandemic, rationality prevailed as the correspondence of the chosen goals and means. But since rationality is basically irrational, in different countries one can observe a situation where the security of the population is ensured at the expense of freedom, which, at the suggestion of the main subjects of security, is increasingly turning into a recognized necessity that destroys the essence of freedom. Hence arises the desire of a certain part of the population of different countries for “negative” freedom. This desire is also supported by the fact that the state does not attach much importance to “positive” freedom, which includes the formation of an (individual) security culture, responsibility to society for one’s actions. To do this, the state must shift its focus from maintaining the monopoly right to ensure security to a dialogue with the population as an equal subject of security.

Keywords: freedom, social security, safety culture, responsibility, pandemic

For citation: Shipunova, T. N. (2022). The Problem of Freedom and Social Security in Conditions of Increased Threats to Population Health. *Society and Security Insights*, 5(1), 11–23. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)1-01.

Проблема обеспечения социальной безопасности существенно обострилась в период пандемии, создавшей повышенные угрозы как для здоровья отдельных индивидов, так и для дальнейшего существования общества. Пандемия и борьба с ней затронули все стороны жизнедеятельности общества, потребовав новых решений и действий в условиях неопределенности. Одновременно перед государством и обществом встала задача переосмысления фундаментальных этических вопросов, связанных с выбором вариантов действий, согласованием интересов отдельных индивидов и общества, социальной и индивидуальной ответственностью, соблюдением прав и свобод населения. Многие политические решения и мероприятия в области обеспечения социальной безопасности вызывали и продолжают вызывать бурные дискуссии в обществе. Одной из обсуждаемых тем является тема свободы. В данной статье предпринята попытка ее теоретического осмысления, имеющего целью поиск ответа на вопрос: насколько безопасность в условиях пандемии и повышенных угроз здоровью населения «терпима к свободе и сколько свободы она терпит» (Abels, 2016: 48–49).

Подходы к пониманию свободы

Можно выделить наиболее значимые подходы, раскрывающие динамику развития представлений о свободе. В античности, несмотря на нюансы в мышлениях разных авторов, категории «свобода» и «свободный выбор» носили личностно-деятельный характер и связывались с ответственностью перед социумом. Хотя свободным считался человек, который действует, «исходя из желаний собственной природы», по-настоящему свободным мог быть только человек, согласующий свои желания со стремлением к благу и добродетелям, поддерживающим совместную жизнь людей в полисе (Аристотель, 1983: 95–108).

Средневековье заменило свободу как нравственную категорию верой в бога, послушанием и божественным предначертанием, оставив, однако, человеку свободу воли (выбора) в предпочтении божественной милости или различного рода искушений. М. Лютер, определивший дух Нового времени, стал рассматривать свободу в связке с законом, заслугами и искуплением вины (Пархоменко, 2012: 188). Можно выделить три момента, характеризующие отношение мыслителей Нового времени к свободе: 1) «понятие свободы начинает соотноситься с внешними отношениями индивида с его окружением» (выделяется «негативная» и «позитивная» свобода); 2) свобода начинает трактоваться через отношение к своим действиям, посредством способности «хотеть-мочь»; 3) свобода трактуется и как свобода воли или же трансцендентальная свобода (Пархоменко, 2012: 195). Становится допустимым самоопределение человека в выборе правил и средств при совершении поступков. Например, Спиноза называл свободу «блаженством души» и определял ее как способность не подвергаться какому-либо душевному волнению, противостоять аффектам и развивать познание себя и окружающего мира (Спиноза, 2007). Иначе говоря, свобода — это внутренне состояние индивида, которое зависит от его познавательных способностей и стремления к добродетелям.

Поскольку свобода актуализируется в действиях индивида, то возникает вопрос о ее регуляторах. Например, И. Кант указывал, что если действия или взаимодействия возникают из спонтанных желаний, то можно говорить о трансцендентальной свободе, которая может мыслиться скорее лишь теоретически, поскольку человек не может избежать влияния законов, действующих в обществе (Кант, 1994). У Канта есть и другое понимание свободы — как фундамента нравственной и правовой деятельности человека, за которую он берет на себя ответственность (Кант, 1908). Взаимосвязь свободы и ответственности была развита в философии экзистенциализма, который «отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за свое существование» (Сартр, 1990: 323). Ж.-П. Сартр утверждал, что «нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода» (Сартр, 1990: 327). При этом, правда, он считал свободу глубоко трагичной по своей сути и родственной смерти. Знаменитое высказывание Сартра «человек осужден быть свободным» означает, что, хотя человек выбирает свободно, он не волен не выбирать, и этот выбор в любом случае обусловлен тем, что навязывается человеку обществом. Однако человек «однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» (Сартр, 1990: 327).

Такой же трагизм наделенности свободой, необходимости делать выбор и нести ответственность за него мы находим у Э. Фромма в его рассуждениях о «свободе от...»: «Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого» (Фромм, 2006: 11). Объяснением этому может служить то, что «мир европейского рационализма — это механизм, принципиально чуждый свободе, бездушно и внелично противостоящий человеку, который в своем бытии должен подчиняться действию всеобщих законов этого механизма» (Тульчинский, 1996: 115). Рациональный расчет превращает свободу в необходимость действовать в соответствии с навязанными извне целями по достижению благ цивилизованного общества. Но необходимость, познана она или нет, все равно остается необходимостью. И тогда, действительно, в мире могут быть лишь непреодолимые причинно-следственные цепочки.

Впрочем, за человеком все-таки признается некоторая свобода, например, свобода в выборе целей и/или средств целедостижения. Такое признание совпадает с определением свободы в идеологии либерализма. У сторонников данной концепции свобода понимается как возможность выбора: целей, средств достижения целей, устройства своей жизни, действий в социуме и т. д. (см., напр.: Франкл, 1990). Эту возможность разные субъекты реализуют по-своему. Разумные — с учетом познанной необходимости, а менее разумные — без такого учета, что ведет к ошибкам и страданиям. И потому свобода — это удел лишь по-настоящему разумных. Разумность здесь означает рациональность, совпадающую с идеей соответствия выбираемых целей и средств для удовлетворения потребностей. Вместе с тем, как отмечает Р. Коллинз, рациональность имеет нерациональные основания. По его мнению, следует различать функциональный и сущностный виды рациональности. «Функциональная рациональность состоит из последовательных процедур беспристрастных расчетов, как должно достичь результата с наибольшей эффективностью», а сущностная — «учитывает цели сами по себе». «Функциональная рациональность может приводить к сущностно иррациональным результатам» (Коллинз, 2004: 405), поскольку люди преследуют свои эгоистические интересы.

Свобода — это «источник смысла, который придает содержательность бытию» (Тульчинский, 2002: 153), а потому дискуссии по поводу свободы остаются актуальными для современной науки и общества. Так, В. В. Вольнов разделяет современные философские представления о свободе на три группы.

Первую группу образуют представления о свободе в негативном понимании (напр., М. Хайдеггер), когда свобода означает отсутствие препятствий и одновременно наличие возможностей. Однако в негативном понимании свободы упускается желание, но «независимо от того, есть возможность или нет, пока нет желания, нет *ни* феномена свободы, *ни* феномена несвободы» (Вольнов, 2002: 13–14).

Во вторую входят рассуждения о «свободе в позитивном понимании» (И. Берлин), т.е. это «свобода к» или «свобода для», в отличие от «свободы от». Общее определение позитивной свободы сводится к тому, что свобода — это следование (только) разумным желаниям. «В сущности оно говорит не о свободе, а о мудрости, или даже о том, что свободен только мудрый».

И наконец, третью группу представляют рассуждения о свободе в «синтетическом, позитивно-негативном понимании» (Ч. Тейлор). Свобода здесь — это «отсутствие внешних и внутренних препятствий, где под внутренними препятствиями понимаются желания и страсти, которые не удовлетворяют» критерию мудрости или разуму. В синтетическом понимании ближе всего к свободе самоидентификация. Она означает, «что *то* бытие есть самое — свое бытие человека, с которым *он сам себя отождествил*» (Вольнов, 2002: 18-23).

Проведенный краткий обзор позволяет утверждать, что свобода — достаточно сложный и неоднозначный феномен, который тесно связан не только с теоретическими изысканиями представителей научного дискурса, но и с социальными процессами и социальными проблемами, возникающими в обществе в разные периоды его существования. В период кризисов и появления реальных угроз не только для жизни и здоровья населения, но и самого существования общества может меняться как представление о свободе, так и практики ее реализации, которые в большей степени соответствуют потребности безопасности и выживания социума.

Свобода и социальная безопасность

Как отмечает Ф.-Х. Kaufmann, с семантической точки зрения все определения безопасности обладают сходным диапазоном значений, в котором можно выделить пять измерений: 1) более или менее объективно устанавливаемое защищенное состояние людей или предметов; 2) надежность функционирования или стабильности вещей и условий по причине способностей или моральных качеств людей; 3) уверенность, т.е. субъективно фиксированное состояние сознания людей в отношении вещей или условий; 4) чувство безопасности, будь то субъективное спокойствие людей или уверенность относительно вещей и условий; 5) отсутствие опасности. Последнее значение в настоящее время можно считать устаревшим измерением, потому что само понятие безопасности (1-4-е измерения) предполагает возможность опасностей (Kaufmann, 2015: 23). В ряду разных видов безопасности выделяется социальная безопасность, которая относится ко многим жизненным рискам, таким как болезнь, возраст, безработица, длительный уход и т.д., а также к соответствующим системам защиты, помощи, социальным и медицинским услугам (Frevel, 2013: 10).

Социальная безопасность является такой же фундаментальной ценностью современного человека, как и свобода. Однако они находятся в специфических взаимоотношениях, поскольку безопасность возможна без свободы, а свобода без безопасности — нет. Таким образом, получается, что «цена безопасности — это свобода». Однако безопасность без свободы возможна только в авторитарных

системах, которые смотрят на свободу как на ненужную роскошь, а не смысл существования индивидов и общества. Тем самым в таких системах полностью снимается вопрос о свободе индивидов, а легитимность власти подтверждается лишь наличием силы, способной эту власть удержать. Напротив, в демократическом обществе «роскошное благо» свободы становится доступным для членов общества, оно получает поддержку и защиту, и именно это укрепляет легитимность конституционной власти (Abels, 2016: 45–47).

Однако здесь возникает вопрос: в условиях пандемии в каком понимании будет признаваться/поддерживаться свобода и насколько безопасность может быть терпима к свободе в другом понимании, или, говоря иначе, нуждается ли общество в свободе в этом случае?

Безопасность изначально означала защиту от угроз для жизни и здоровья населения. Укрепление государственной власти привело к тому, что государство стало монополистом на применение средств для защиты граждан, получивших обещание безопасности, требующее безусловного исполнения. Именно эта функция в первую очередь узаконивает современное демократическое государство. Вместе с тем государственная монополия на безопасность сама становится угрозой для свободы индивидов, что ведет к отрицательной свободе в смысле защиты от господства и вмешательства государства, в отличие от позитивной свободы что-либо делать: контролировать себя и свою жизнь, самоопределяться, совместно проектировать развитие сообщества и т. д. (Abels, 2016: 47–49).

Помимо монополии государства на безопасность, в обществе существует масса других механизмов ограничения свободы: социальные (статус индивида, место жительства, объем власти, отрасль занятости и т. д.), социально-психологические, ценностно-нормативные. «Они могут быть вынужденные и добровольные, юридические и моральные, реальные и мнимые (ложные), основные (базовые) и неосновные (второстепенные), осознаваемые и неосознаваемые и т. д.» (Белецкая, 2010: 58). Все они накладывают отпечаток на цели и допустимые способы их достижения и варьируются в зависимости от политических, социальных и культурных условий конкретного общества. Так, по мнению Н.К. Краснослободцевой и В.Н. Влазнева, «трактовка свободы в современном российском обществе оказалась чрезвычайно пестрой и уязвимой». Несмотря на разницу объемов, содержание понятия у большинства российского населения общее — «отсутствие ограничений, стеснений, зависимости от кого-то или чего-то»: свобода от государственного вмешательства в экономику, от ограничений цензуры, от призыва в армию, от коррумпированных чиновников, от агрессивной рекламы и т. д. (Краснослободцева, Влазнев, 2016: 73). Такое понимание «свободы от» продиктовано многими обстоятельствами: кризисом власти, невысоким уровнем доверия к властным институтам, социальной незащищенностью, низким уровнем жизни и т. д. (по некоторым оценкам, в России 40% населения относятся к депривилигированным нижним классам (Аникин, 2020: 31)).

В период пандемии и связанных с распространением заболевания реальных угроз для жизни индивидов происходит переоценка многих общепринятых кон-

цепций, в том числе либеральной концепции свободы. Например, можно по-разному рассматривать дуализм негативной и позитивной свободы. Говоря о негативной свободе, можно задать вопрос: действительно ли государство не должно вмешиваться в частную жизнь граждан при установлении мер защиты от распространения заболевания? Ситуация с Covid-19 показала, что практически все общества пошли по пути такого вмешательства, следствием чего явилось принятие нормативных актов, которые существенно ограничивают права на свободное передвижение, развитие бизнеса, путешествия, работу в режиме личного присутствия и т. д. Вместе с тем данные ограничения личных свобод стали барьером на пути распространения вируса и роста смертности населения разных стран. Таким образом, подтвердились ранее проводимые гендерные исследования (изнасилования в браке, насилие в семье), в результате которых были сделаны выводы, что создание условий для настоящей свободы требует вмешательства государства в частную жизнь, а не абсолютную защиту частной жизни (Abels, 2016: 50). В этом случае исследователи говорят о «справедливой свободе», основанной на равенстве прав граждан в обеспечении безопасности, требующей, однако, некоторых ограничений личной свободы. Разумеется, такого рода вмешательство не должно рассматриваться как принцип действий государства, распространяемый на все сферы жизнедеятельности людей, даже если речь идет о пандемии заболеваний, поскольку в противном случае борьба за безопасность может полностью обесценить достижения демократии в области защиты прав и свобод и превратиться в способ установления абсолютной власти меньшинства.

Позитивная же свобода предоставляет возможности для раскрытия потенциала индивидов через свободный выбор. С одной стороны, как писал Э. Фромм, позитивная свобода дает возможность принятия активной и независимой роли, но при этом человек «освобождается от связей, дававших ему чувство уверенности и принадлежности к какой-то общности...» (Фромм, 2006: 76), а с другой — он может реализовать себя в выборе собственных жизненных стратегий, направленных на обеспечение собственной безопасности и безопасности своего окружения. Поскольку свобода всегда сопряжена с ограничениями, прежде всего, с моральным требованием соблюдения прав других людей (как минимум, в качестве условия снятия противостояния между людьми), то данные ограничения совпадают с интересами общества, обеспечивая его стабильность и снижение уровня напряженности. В условиях пандемии позитивная свобода индивидов может проявляться в формировании культуры безопасности, под которой подразумевается совокупность убеждений, ценностей и практик индивидов, принимающих решения о том, *что* именно рассматривается как опасность и какими средствами ей нужно противостоять, учитывая личные и общественные интересы (Daase et al., 2014: 10). Выбор индивидами иного пути, отказ от моральной ответственности и замыкание исключительно на своих интересах, нормах и ценностях «обрекает их в реальности на отказ от возможности реализовать свои способности свободного действия» (Гусев, 2002: 144). К позитивной свободе в условиях пандемии можно отнести также заботу о своем здоровье, близком окружении, творчество,

развитие своих социальных связей посредством интернета, разные виды социально полезной деятельности (напр., волонтерство).

Конечно, внутренняя свобода индивидов, т. е. «внутреннее состояние человека, при котором он ощущает себя свободным» (Белецкая, 2010: 59), особенно в ее позитивном варианте, во многом определяется условиями, в которых эта свобода получит свое развитие, т. е. внешней свободой, принятой «не только в законах, но также и в самом обществе» (Давыдов, 2016: 284). В условиях пандемии можно выделить как минимум три основных условия: непредсказуемость и небезопасность самой эпидемической ситуации; возможность открытого обсуждения целей, стратегий и тактик борьбы с заболеванием и его профилактики; принятие членами социума ответственности за свои действия.

Что касается первого условия, то следует рассматривать онтологическую и эпистемологическую небезопасности (*insecurity*) и неопределенность/неизвестность (*uncertainty*). Это различие помогает объяснить, почему некоторые мероприятия, которые фактически повышают безопасность распространения вируса и, казалось бы, снижают риски, одновременно усиливают неизвестность и повышают небезопасность (ненадежность мер) (Daase, Kessler, 2007: 420).

Проявления этого феномена можно видеть повсеместно. В разных странах предпринимаются достаточно жесткие меры по борьбе с Covid-19, которые должны обеспечить уверенность людей в защищенности и надежности такой защиты. Однако этого не происходит в силу ряда причин. Во-первых, как показала практика, вирус недостаточно изучен и он постоянно мутирует, во-вторых, ученые пока не разработали универсальные препараты, излечивающие заболевание, в-третьих, существует парадокс безопасности, когда большое число мероприятий по ее обеспечению вызывает у населения все возрастающее чувство небезопасности и ненадежности мер (Daase et al., 2014: 10). И наконец, в-четвертых, человечество и отдельные индивиды оказались психологически не готовы к пандемической ситуации и необходимости соблюдения (само)ограничительных мер. Данные обстоятельства подтверждают тезис, выдвинутый еще в доковидное время, что в настоящее время не существует общества, которое могло бы комплексно регулировать соотношение безопасности и неопределенности (Daase, 2014: 23). «Научный анализ рисков колеблется между тривиализацией (через сокрытие „остаточных рисков“) и алармизмом (через драматизацию катастрофического или неправдоподобного вреда)» (Daase, 2014: 27). Кроме того, понятное желание государства контролировать ситуацию зачастую ведет к установлению таких правил, которые востребуют понимание свободы как познанной необходимости (напр., в случае «добровольной» обязательной вакцинации). Все это вызывает у населения чувство незащищенности и способствует укреплению негативной установки в виде стремления к «свободе от».

Второе условие свободы — возможность открытого обсуждения целей, стратегий и тактик борьбы с заболеванием и его профилактики. В случае с пандемией безопасность как объективное состояние означает либо надежную защиту от заражения коронавирусом, либо защиту от смертельного исхода, обеспечива-

емую качеством получаемого лечения. Такая безопасность должна обеспечивать внушающую доверие узнаваемость/распознаваемость надежности. Если этого не происходит, то значимость обещания безопасности нарушается. Безопасность как субъективное состояние означает уверенность в надежности защиты от опасностей (Kaufmann, 2015: 23), включая в предельном значении — опасности смерти или инвалидизации от лечения. Иначе говоря, такая безопасность предполагает свободу от любой существующей угрозы чему-то, что высоко ценит субъект (Müller, 2016: 66). В данном случае высоко ценится предсказуемость последствий или как минимум вера в то, что имеющиеся знания об опасности являются достоверными. В связи с этим в пандемию возрастает значимость свободных обсуждений разных точек зрения на причины заболевания, его распространение и способы борьбы с ним. При этом «людей не должны осуждать за то, что они думают не так, как другие, что они хотят донести свою истину» (Давыдов, 2016: 284). Здесь может возникнуть коллизия между интересами государства как основного субъекта безопасности и другими субъектами, стремящимися донести свое видение проблемы. Зачастую эта коллизия базируется не на поиске истины, а на заинтересованности различных значимых игроков, включенных в производство безопасности (политически, экономически, научно и т.д.). Так, например, если речь идет о бюрократических организациях, производящих некоторый продукт (закон, меры, стандарт, медицинский препарат, защитные средства и др.), то можно отметить, что «...чем более бюрократична организация, тем больше администраторов попадают в ловушку собственного аппарата. Они полагаются на расчеты и отчеты специалистов, сообщающих им, что происходит...» (Коллинз, 2004: 406). Иначе говоря, лица, от которых зависит принятие решений, видят мир глазами тех, кто перед ними отчитывается, что несет в себе большую угрозу искажения истинной картины происходящего вследствие желания соответствовать ожиданиям. Конечно, в этом случае независимые точки зрения являются очень важным инструментом коррекции планов и мероприятий, особенно в случае необходимости оперативного реагирования на быстро меняющуюся эпидемиологическую ситуацию.

Условие третье — принятие всеми членами социума ответственности за свои действия. Многие исследователи задавались вопросом: а хочет ли человек свободы? Новое звучание этот вопрос получает в условиях пандемии. Упование на то, что государство гарантирует надежную защиту от заражения вирусом, не подтвердилось. Растет число жертв, подтверждающих, что безопасность не может быть гарантированной на сто процентов и зависит она не только от внешних факторов. Думается, прав был Ж.-П. Сартр, утверждавший, что человек, подчиняясь свободе и выбирая из того, что ему предлагает социум, становится ответственным не только за себя, но за всех людей (Сартр, 1990: 324). Поскольку человек не может не выбирать, то любое его действие имеет значение. Сохраняя за индивидами право выбора в условиях пандемии, общество не только отдает дань ценностям свободы и гуманизма, но и проявляет к индивиду уважение как к полноценному субъекту безопасности. В этом случае человек должен сам устанавливать границы

своего поведения и несет за это ответственность не только и не столько в правовом, сколько в моральном смысле. Однако «сказанное не следует понимать в плане противопоставления „внутреннего“ и „внешнего“... Можно говорить о своеобразной „ленте Мебиуса“ — единой плоскости, перекрученно соединяющей оба плана — и „внешний“, и „внутренний“. Долг, пропущенный через сердце и открывающийся миру честью и достоинством личности» (Тульчинский, Уваров, 2000: 317). Без поддержки человеческого достоинства невозможно обеспечить безопасность не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе. Свобода, нравственность, человеческое достоинство лежат в основе ответственного поведения личности, которое может стать мощнейшим регулятором социальных взаимодействий, обеспечивающих социальную безопасность в условиях пандемии.

Итак, анализ (в первом приближении) проблемы свободы и социальной безопасности в условиях пандемии показал, что реальные риски здоровью и жизни населения, а также существованию общества требуют нового осмысления взаимосвязи этих понятий. Несмотря на то что государство и другие основные субъекты социальной безопасности стремятся к расширению контроля над ситуацией и установлению свободы как познанной необходимости (т.е. умалению значимости желаний индивидов действовать по своему выбору), цивилизованные общества все еще декларируют стремление сохранить основные права и свободы, хотя, по мнению некоторых авторов, это не всегда удается¹. При этом в обществе наблюдается востребованность позитивной свободы, направленной на реализацию ответственной социально полезной деятельности, дающей индивидам возможность самореализации в творчестве, развитии социальных сетей, развитии индивидуальной культуры безопасности. Однако, чтобы данный вид свободы утвердился, необходимо признать за гражданами право равноценного субъекта безопасности, с которым следует открыто обсуждать не только проблемы пандемии, но и способы их решения. Кроме того, необходимо озаботиться поддержкой самоорганизации в обществе и созданием новых моделей гражданского общества и правового государства, «которые, с одной стороны, способствуют проявлению индивидуальности, реализации человека как личности, а с другой — способствуют единению человечества в столь многообразном» и непредсказуемом мире (Краснослободцева, Влазнев, 2016: 75). Данные меры призваны выполнять функцию защиты общества от монополии государства на обеспечение социальной безопасности, установления контроля за соблюдением гарантированных свобод и (мирного) мягкого сопротивления притязаниям государства на возврат к идее свободы как познанной необходимости. Если же этого не произойдет и доминантой в системе безопасности в сфере здоровья будут только административно-правовые ограничения, то основным компонентом субъективной социальной безопасности будет чувство несвободы, неверие в надежность проводимых мероприятий и, как следствие, возрастание недоверия к государству и другим властным институтам.

¹ См., напр.: Добрынин В. Апокалипсис подкрался незаметно. URL: <https://fitzroyomag.com/mir/apokalipsis-podkralsja-nezametno/>.

Список источников

- Аникин В. А. Социальные классы новой России — неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 31–42.
- Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 54–294.
- Белецкая А. В. Свобода как социально-философская проблема // Социология власти. 2010. № 3. С. 54–61.
- Вольнов В. В. Феномен свободы. СПб. : Центр «БЛИЦ», 2002. 413 с.
- Гусев С. С. Коммуникативная природа человеческой свободы // Я (А. Слинин) и МЫ. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 131–145.
- Давыдов Н. В. Проблемы феномена свободы в современном обществе // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы. Екатеринбург : Макс-Инфо, 2016. С. 280–284.
- Кант И. Критика практического разума. СПб. : В.И. Яковенко, 1908. 167 с.
- Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М. : Чоро, 1994. 741 с.
- Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. М. : Академический проект, 2004. С. 399–598.
- Краснослободцева Н. К., Влазнев В. Н. (2016). Феномен свободы в контексте проблем современного общества // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 4. С. 72–75.
- Пархоменко Р. Н. Генезис идеи свободы в западноевропейской философии // Философская мысль. 2012. № 4. С. 179–210.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Издательство политической литературы, 1990. С. 319–344.
- Спиноза Б. Этика. СПб. : Азбука-классика, 2007. 347 с.
- Тульчинский Г. Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб. : Изд-во РХГИ, 1996. 412 с.
- Тульчинский Г. Л., Уваров М. С. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб. : Алетейя, 2000. 409 с.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ, 2006. 571 с.
- Abels G. Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit // Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft. Baden–Baden : Nomos, 2016. P. 45–59.
- Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Einleitung: Politik und Unsicherheit // Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur / eds. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Frankfurt am Main : Campus Verlag GmbH, 2014. P. 9–17.

Daase Ch., Kessler O. Knowns and Unknowns in the War on Terror. Uncertainty and the Political Construction of Danger // *Security Dialogue*. 2007. Vol. 38, no. 4. P. 411–436.

Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung // *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*. Frankfurt am Main : Campus Verlag GmbH, 2014. P. 19–29.

Frevel B. Sicherheit. Ein (un-)stillbares Grundbedürfnis. Frankfurt Main : CENTAURUS, 2013. 52 p.

Kaufmann F.-X. Sicherheit als Wertidee, Handlungsmaxime und Leitbild von Systemen // *Sichere Zeiten? Gesellschaftliche Dimensionen der Sicherheitforschung*. Münster : Lit Verlag, 2015. P. 21–32.

Müller H. Freiheit — Sicherheit — Frieden: Spannungen, Widersprüche, Synthesen // *Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft*. Baden-Baden : Nomos, 2016. pp. 63–79.

References

Anikin, V. A. (2020). Social classes of new Russia — unequal and different. *Sociological studies*, 2, 31–42. (In Russ.).

Aristotle (1983). *Nicomachean ethics*. In *Aristotle. Works in four volumes* (pp. 54–294). Moscow : Mysl'. Vol. 4. (In Russ.).

Beleckaya, A. V. (2010). Freedom as a socio-philosophical problem. *Sociology of power*, 3, 54–61. (In Russ.).

Collins, R. (2004). Sociological Intuition: An Introduction to Non-Obvious Sociology. In *Personality-oriented sociology* (pp. 399–598). Moscow: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.).

Davydov, N. V. (2016). Problems of the phenomenon of freedom in modern society. In *Philosophy in the XXI century: challenges, values, prospects* (pp. 280–284). Ekaterinburg : Maks-Info. (In Russ.).

Frankl, V. (1990). *A man in search of meaning*. Moscow : Progress. (In Russ.).

Fromm, E. (2006). *Flight from freedom. A man for himself*. Moscow : ACT. (In Russ.).

Gusev, S. S. (2002). The communicative nature of human freedom. In *I am. (A. Slinin) and WE* (pp. 131–145). Saint Petersburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russ.).

Kant, I. (1994). Criticism of Pure Reason. In *Kant I. Collected Works in Eight Volumes*. Moscow: Choro. Vol. 3. (In Russ.).

Kant, I. (1908). *Criticism of practical reason*. Saint Petersburg : V. I. Yakovenko. (In Russ.).

Krasnoslobodceva, N. K., Vlaznev, V. N. (2016). The phenomenon of freedom in the context of the problems of modern society. *Socio-economic phenomena and processes*, 4, 72–75. (In Russ.).

Parhomenko, R. N. (2012). Genesis of the idea of freedom in Western European philosophy. *Philosophical thought*, 4, 179–210. (In Russ.).

Sartre, J.-P. (1990). Existentialism is Humanism. In *Twilight of the Gods* (pp. 319–344).

- Moscow : Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.).
- Spinoza, B. (2007). *Ethics*. Saint Petersburg : Azbuka-klassika. (In Russ.).
- Tulychinskiy, G.L. (1996). *Imposture. The phenomenology of evil and the metaphysics of freedom*. Saint Petersburg : Izd-vo RHGI. (In Russ.).
- Tulychinskiy, G.L., Uvarov, M.S. (2000). *Perspectives for Metaphysics: Classical and Non-Classical Metaphysics at the Turn of the Century*. Saint Petersburg : Aletejya. (In Russ.).
- Volynov, V.V. (2002). *The phenomenon of freedom*. Saint Petersburg : Centr «BLIC». (In Russ.).
- Abels, G. (2016). Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit. In *Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft* (pp. 45–59). Baden-Baden : Nomos.
- Daase, Ch., Engert, S., & Kolliarakis, G. (2014). Einleitung: Politik und Unsicherheit. In *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur* (pp. 9–17). Frankfurt am Main : Campus GmbH Publ.
- Daase, Ch., Kessler, O. (2007). Knowns and Unknowns in the War on Terror. Uncertainty and the Political Construction of Danger. *Security Dialogue*, 38(4).
- Daase, Ch. (2014). Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung. In *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur* (pp. 19–29). Frankfurt am Main : Campus GmbH Publ.
- Frevel, B. (2013). *Sicherheit. Ein (un-)stillbares Grundbedürfnis*. Frankfurt a/M.: CENTAURUS.
- Kaufmann, F.-X. (2015). Sicherheit als Wertidee, Handlungsmaxime und Leitbild von Systemen. In *Sichere Zeiten? Gesellschaftliche Dimensionen der Sicherheitforschung* (pp. 21–32). Münster : Lit Publ.
- Müller, H. (2016). Freiheit — Sicherheit — Frieden: Spannungen, Widersprüche, Synthesen. In *Vorsicht Sicherheit! Legitimationsprobleme der Ordnung von Freiheit: 26. wissenschaftlicher Kongress der Deutschen Vereinigung für Politische Wissenschaft* (pp. 63–79). Baden-Baden : Nomos.

Информация об авторе/ Information about the Author

Татьяна Владимировна Шипунова — д-р социол. наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Tatiana V. Shipunova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 9.02.2022;
одобрена после рецензирования 1.03.2022;
принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 9.02.2022;
approved after reviewing 1.03.2022;
accepted for publication 10.03.2022.